

ПРОБЛЕМЫ ПРЕСТУПНОСТИ НА ФОНЕ КРИЗИСА ПРАВА И СОЦИАЛЬНОСТИ

В.М. РОЗИН

В чем проблема, а также немного статистики

Несмотря на усилия правоохранительных органов и большие средства, выделяемые для борьбы с преступностью, статистика показывает, что уровень правонарушений в стране не только не снижается, но медленно продолжает расти.

Если в мире 8 миллионов заключенных, то одна восьмая всего тюремного населения на Земле сидит в наших пенитенциарных учреждениях (при том, что россияне составляют лишь сороковую часть человечества). Каждый четвертый взрослый мужчина в нашей стране – бывший заключенный. По оценке заместителя начальника ГУИН А.И. Зубкова, это каждый третий взрослый мужчина. Убийство никогда не было профессией (военный – не убийца), но сегодня киллер – профессионал, получающий за свою работу хорошие деньги. Изменился и портрет преступной личности. Все чаще это средний обыватель, часто образованный и, как ни странно, психически здоровый по оценкам криминальных психологов. Однако как может быть психически здоровым человек, убивший другого, нередко своего близкого, изнасиловавший подростка или девушку, пытавший старика, чтобы взять его последние деньги, и прочее?

Страшная картина, особенно на фоне других российских проблем – бедность одних и обогащение других, сокращение чуть ли на миллион каждый год населения страны, распространение наркомании и алкоголизма, детская беспризорность, потеря социальной ориентации россиян (мы так и не знаем, в какой стране живем и куда идем). Пока российская элита успешно решила только одну проблему – обеспечила себе безбедную, но думаю, вовсе не спокойную жизнь.

Однако почему ученые и криминалисты не подскажут, что делать, как исправить ситуацию? Они подсказывают, но все как-то однообразно: или предлагают ужесточить наказания и законы, подведя под потенциальные правонаруше-

ния уже почти все население, или разводят руками, поскольку ситуация настолько сложная, что и предпринять, говорят они, ничего невозможно. Указывают, и правильно, на смену социально-экономической формации, глобализацию, небывалую миграцию, мультикультурализм и маргинальность россиян, на кризис идеологии, нравственности и семьи, на трудности выживания и идентификации, на печальные российские традиции, эгоизм властей и т.д. и т.п. При таком анализе рост преступности выглядит как неумолимое и неотъемлемое от российской жизни явление. Или: если преступление, то обязательно должны быть однозначные причины и мотивы, хотя современные преступления часто никаких осознанных мотивов не имеют. Если убил, изнасиловал или ограбил, причем в соответствующем учреждении поставили диагноз «психически здоров», то, значит, понимал, что делал.

Справедливо ли общество по отношению к юным правонарушителям?

Понимает ли подросток, совершающий преступление, что он делает, а также справедливы ли законы, действующие относительно этой категории населения? Действительно ли нужно едва сформировавшегося или еще вообще не сформировавшегося юного человека отправлять в колонию или тюрьму, где он ускоренными темпами пройдет «криминальные университеты»? В ответ на это возможный оппонент, особенно, если в его роли выступает прокурор, воскликнет: «Так что же, по головке их гладить? Мы их и так день и ночь перевоспитываем. И законодательство у нас самое гуманное». И тут же в доказательство приведет статью 20 часть 3 нового УК: «Если несовершеннолетний достиг возраста, предусмотренного частями 1-ой и 2-ой настоящей статьи, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности». «Вот видите, — скажет он, — наше законодательство предусматри-

вает даже такое обстоятельство, как отставание человека в психическом развитии».

Анализируя это разъяснение, обратим внимание на несколько моментов. Сегодня наша медицина и педагоги утверждают, что в стране в психическом развитии отстает чуть ли не половина подростков и молодежи, а в колониях и тюрьмах этот процент значительно выше. Но не это главное. Как УК определяет критерии правонарушения с точки зрения личности? Правонарушение имеет место в том случае, если молодой человек не только нарушил закон, но и в полной мере осознавал общественную опасность своих действий (или бездействий), а также мог свободно руководить ими. Однако возникает вопрос, может ли средний обитатель исправительной колонии или тюрьмы (особенно подросток или молодой человек) правильно осознавать совершенные им противоправные действия? Обсуждая этот вопрос, наши криминалисты А. Ратинов, Н. Константинова, Е. Собчик делают вывод, что «значение и использование преступниками нравственных понятий являются специфическими и не совпадают со значением этих понятий в соответствии с принятыми в нашем обществе нормами»¹. А.Р. Ратинов отмечает, что от трети до половины правонарушителей не осознают последствий своих поступков².

И свободно руководить своими действиями потенциальный правонарушитель, как правило, не может: он находится под сильнейшим воздействием криминально ориентированной группы. Когда известный криминолог Г. Шнайдер пишет, что «противоправные действия — это в принципе групповой феномен», то он всего лишь выражает общее убеждение современной науки³. На сходном убеждении построен и ряд криминологических концепций, например, «теория дифференциальной ассоциации». В изложении Кресси ее основные положения звучат так: «Преступному поведению учатся... Преступное поведение усваивается в ходе интеракции (взаимодействия) с другими людьми в процессе общения ... Важнейшая часть обучения уголовному поведению совершается в группах ... Овладение криминальным поведением включает в себя изучение способов совершения преступлений ... Человек становится преступником,

когда усваиваемые им определения, благоприятствующие преступлению, перевешивают в его сознании образцы законопослушного поведения»⁴.

Теперь вопрос о перевоспитании молодых людей и подростков в колониях и тюрьмах. Здесь основной вопрос, что больше оказывает влияние на развитие человека, попавшего в пенитенциарное учреждение: формальное воспитание в форме обучения и педагогических бесед или же действенные и страшные по своему воздействию наставления криминальных «учителей» (авторитетов, воров в законе и т.п.). Обсуждая эту дилемму, Ховард Зер, автор книги «Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание» пишет. «Усвоит ли юноша в тюрьме образцы ненасильственного поведения? Вряд ли. Скорее наоборот, тюрьма научит его еще большей жестокости. Сможет ли общество защититься таким образом? Возможно, но лишь на какое-то время: в конце концов, он выйдет на свободу и тогда, вполне вероятно, будет опаснее, чем до заключения. В тюрьме же он может стать опасным и для своих соседей по камере. Станет ли тюрьма сдерживающим фактором для новых преступлений? Можно спросить о том, удержит ли его заключение других, но более чем сомнительно, что оно скажется таким образом на нем самом.

Существует даже большая вероятность, что он совершит повторное преступление из-за утраты навыков справляться с жизненными обстоятельствами и того образца поведения, который он усвоит в тюрьме. И больше того, тюрьма уже не сможет наводить на него ужас, так как он будет знать, что способен там выжить. Действительно, после двадцати лет тюрьма станет для него настоящим домом, и вне ее стен он будет чувствовать себя неуверенно. Некоторые заключенные, которые провели в тюрьме довольно много времени, по освобождении совершают новые преступления исключительно для того, чтобы вернуться в привычную обстановку. Они предпочитают жить в той среде, для которой у них есть навыки выживания, нежели оказаться лицом к лицу с опасностями мало знакомой им жизни»⁵.

Хотя современное законодательство, судопроизводство и пенитенциарные учреждения основываются на определен-

ной антропологической модели (предполагающей, что человек ясно осознает свои поступки и свободно руководит ими), на предположении, что в пенитенциарных учреждениях правонарушители исправляются, а также претерпевают наказание (возмездие, страдание) в соответствии с мерой содеянного, исследования и анализ современной юридической практики показывают, что эти постулаты сомнительны и в действительности редко выполняются.

Преступление и наказание

На основе каких соображений устанавливается наказание? Главным образом на основе произвола государства, которое принимает на себя функции демиурга, законодателя, судьи и исполнителя наказания. «Общинное правосудие, — пишет З. Ховард, — в своем идеальном проявлении заключалось в переговорах и возмещении ущерба. Суть такого правосудия может быть выражена понятием “frith”, бывшем в ходу у германских племен и обозначавшем горизонтальное примирение, основанное на взаимном согласии. В свою очередь государственное правосудие — это “Королевский мир”, правосудие вертикальное, построенное на строгой иерархии, принудительное, карательное».

«Изменения эти произошли не вдруг, не в один день государство захватило судебные полномочия, представители государства внедрялись в обвинительный процесс постепенно. Так, взяв на себя функцию расследования, государство, в конце концов, стало обвинителем. К 1498 году французский закон установил, что король или королевский прокурор являются стороной во всех делах. Начав с претензии на участие в делах, государство, в конце концов, потребовало и полного главенства...

Изменилась не только технология причинения страданий, но и конечная цель. В раннюю эпоху Просвещения объектом наказания было тело, и наказание могло быть очень жестоким. Сегодня тюрьма, по словам французского историка Мишеля Фуко, пытается добраться до души преступника. Американские квакеры, защитники тюрем, верили, что результатом лишения свободы могут стать покаяние и обращение. В более поздних аргументах в пользу тюрем-

ного заключения утверждалось, что тюрьма является лабораторией по преобразованию новой личности. Было найдено замечательное разнообразие доводов в пользу тюрем, используемых ради так называемого «целенаправленного страдания (по словам Н.Кристи)»⁶.

Кроме того, Зер Ховард показывает, что современное судопроизводство, построенное на состязательности и применении многочисленных законов и вторичных правовых норм предельно затрудняет для правонарушителя и пострадавшего возможность осознать, что же с ними случилось, а для правонарушителя — раскаяться. По отношению к подросткам и молодым людям не срабатывает сама идея справедливости. По сути, она вообще не просматривается непосредственными участниками правового конфликта, и понятно почему. Что собой представляет конфликт в социальной сфере? Один человек причиняет вред другому: осуществляет насилие, крадет и т.д. Как правило, большинство конфликтов (во всяком случае, в нашей культуре) разрешается вовсе не в сфере права: люди договариваются между собой, обращаются к посредникам или общине, иногда просто избегают разрешать возникшую проблему (поскольку себе дороже). Когда же они обращаются в суд, то решение возникшего конфликта опосредуется массой законов и действием непонятной обычному человеку *машины правосудия, намертво спаенной с репрессивным механизмом наказания*. Человеку, оказавшемуся вовлеченным внутрь этой мегамашины (неважно, в каком качестве: обвиняемого или пострадавшего, а часто даже и юристу), совершенно непонятно, каким образом здесь проявляется и действует справедливость. Тем более, что законы, по которым судят, основываются на антропологической модели, совершенно не учитывающей маргинальность молодого человека и особенности его личности.

Особенности российской ситуации

В старые, чуть было не сказал «добрые», советские времена все врал и притворялись, ведя двойной образ жизни. Но социальная жизнь все же была упорядочена и нормирована. Да, многие из нас иронически относились к иде-

ологии и пропаганде, но было хотя бы от чего отсчитывать. Построение коммунизма, борьба с империализмом, воспитание советского человека, абсолютный приоритет государства над личностью, тотальный контроль и планирование жизни. Существовали не только страх, но и гарантированные, известные всем социальные блага и практики. Траектории жизни были четко обозначены и кому положено доступно.

Когда же все это распалось, миллионы россиян стали выстраивать свою жизнь « по своему уму», беря за образец то западное право (в стране, которая никогда не жила по праву), то демократические свободы (а это что такая за птица?), то более привычные и понятные феодальные отношения («ты мне, а я тебе», все честь честью и по справедливости), то просто ставя вперед свои собственные интересы. Ценностями становятся — личность, семья, деньги, благосостояние, успех, здоровье, опора и защита, неважно от кого последние исходят, можно от государства, но лучше от тех, кто имеет реальную власть.

Но было еще одно серьезное обстоятельство. Становление новой социальной системы в России, действительно, совпало (вряд ли случайно) с серьезными глобальными трансформациями. Создание транснациональных корпораций, волны миграции (из стран СНГ, Китая, Вьетнама, Афганистана), терроризм (чеченский и международный), технологическая и идеологическая экспансия Запада, победное шествие по всему миру ТВ, Интернета, мобильной связи — вот только некоторые примеры глобальных процессов, распространяющихся по всей планете и в России.

В социальном же плане эти трансформации, как внутренние, так и внешние, способствовали образованию трех основных сил. Это, во-первых, маргиналы, за десять, пятнадцать лет буквально наводнившие всю Россию (маргинальность молодого человека — это только один из видов). Во-вторых, многочисленные социальные группы и слои (включающие также чиновников и власти разных уровней), преследующие свои корыстные, можно сказать «феодальные» интересы — захватить, перераспределить или удержать рычаги управления, льготы, землю, заводы, деньги, зоны

влияния. Наконец, в-третьих, граждане разных мастей, старающиеся обустроить жизнь на разумных, цивилизованных и справедливых началах. Итак, маргиналы, «феодалы» и граждане, и каждый из них на свой лад старается перекроить Россию. К сожалению, пока баланс сил не в пользу граждан России, что объективно ведет к «войне всей против всех» и социальному беспределу, который тщательно маскируется ликами многочисленных демократических институтов (имитация выборов, справедливого судопроизводства, борьбы с коррупцией, скудная забота о населении и прочее).

Как же в этом раскладе сил самоопределяются россияне? Для многих социальная реальность выглядит как нашествие маргиналов, как тотальная феодализация и криминализация российской жизни. Настали времена новых варваров, уничтожающих друг друга и все вокруг. Движимые эгоистичными и корыстными интересами, не связанные традициями и совестью, они действуют как бессознательные социальные силы, разрушающие саму социальную ткань жизни. В этих условиях отчасти получает оправдание и маргинальность и современное понимание вменяемости, когда убийство человека не является ненормальностью. Устанавливая понятие преступления, Аристотель апеллировал как раз к единству сознания и культуры, к возможности человека взвешивать, оценивать и интегрировать разные свои желания и влечения, а общества — создавать систему согласованных социальных норм. В современном же обществе оба указанных момента становятся проблематичными, а часто и недостижимыми.

Но а как же законы и право? — может спросить наивный россиянин. Хотя право в России постепенно становится реальностью, но все же пока оно больше идеал и желаемое, скорее фасад демократического государства, чем его реальная практика социальной жизни. О неудовлетворительном состоянии права в нашей стране говорят не только пресса и общественные организации, но и власти и сами юристы⁷.

В.А. Четвернин, выступая на «круглом столе» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии» «Гражданское общество, правовое государство и право», вслед за В.С. Нарсесянцем квалифицировал современную российс-

кую ситуацию как «неофеодализм». Такую оценку, с его точки зрения, подтверждают «соединение власти и собственности», «суперпрезидентская» форма правления, напоминающая дуалистическую монархию», специализация судов «не по содержанию рассматриваемых дел, а по субъектному принципу, аналогичному сословному», подмена прав и общих норм привилегиями⁸.

Не менее определенно о слабости российского права говорил на «круглом столе» и академик РАН В.С. Степин. «В России никогда народ не чувствовал себя и не признавал себя живущим в едином для всех правовом поле, и, конечно же, не верил в правовое государство... Реформы 90-х годов, осуществляемые в постсоветской России, к сожалению, пока не привели к правовому обществу... В обстановке ослабления государства и в расширяющихся масштабах укреплялась практика нарушения законов и нигилистического отношения к праву. И здесь воспроизводились и укреплялись худшие черты российской традиции, когда писанные законы не воспринимаются как норма, призванная регулировать жизнь, потому что все знают, что закон можно обойти, надо искать лазейки и сделать так, чтобы он был выгоден для корпоративных интересов... законы толкуются как угодно, потом издаются подзаконные акты, которые по существу нарушают законы, и можно привлечь человека к судебной ответственности произвольно, вменяя ему нарушение какого-либо из противоречащих друг другу подзаконных актов»⁹.

Наблюдается даже своеобразный парадокс — право в современной России формируется в контексте неправовых практик. За годы реформ, пишут Т.И. Заславская и М.А. Шабанова этот контекст настолько расширился, что для большинства стал более реальным, чем само право. По данным этих авторов 42% респондентов «указали, что в современных условиях их законные права нарушаются чаще, чем до реформ. Особо неблагоприятно и важно для осмысления сути современного трансформационного процесса России то, что основными субъектами, нарушающими права граждан, являются власти разных уровней (их назвали 89% респондентов)... Многие исследователи выражают тревогу

по поводу глубокого разрыва между административно-правовой и социокультурной составляющими российских институтов. Отмечается, что новые законы и нормы нередко остаются на бумаге, реальные же практики развиваются так, как если бы этих норм не было»¹⁰.

Кризис права касается не только России

Кризис права наблюдается, конечно, не только в России. Если внимательно присмотреться к пониманию права, как оно складывается к концу XX столетия, то нельзя не отметить двойственное понимание: с одной стороны, право по-прежнему рассматривается как юридическая норма и понятие справедливости, закрепляющие сложившиеся социальные и экономические отношения (властные, хозяйственные и т.д.), с другой — право все больше понимается как способ «конституирования» социальной жизни. Действительно, право позволяет реализовать такие идеалы общества, как социальное равенство, свобода личности, справедливость, достойный уровень жизни, и другие.

Способность права быть конституирующей системой становится особенно заметной во второй половине XX столетия по мере создания и реализации проектов социального государства или других сходных политических установок, например, на реализацию социально ориентированной государственной политики. В этих случаях право не только порождает новую социальную реальность, но и новые социальные конфликты. Получается, что современное право существует в пространстве двух измерений: одно можно назвать «нормативно описательным», другое «нормативно конституирующим». Если первое измерение обусловлено теми социальными структурами и процессами, которые сложились или складываются, то второе — социальными практиками и возможностями. Включение в эти практики человека и другие общественные образования, реализация посредством таких практик соответствующих возможностей и позволяет вводить новые права. Однако их природа, особенно вначале, отличается от традиционных прав, ведь новые права еще не укоренены в социальной действительности. В результате введение подобных прав (назовем их «ин-

тенциональными») создает в культуре различные дополнительные проблемы и напряжения.

Вторая линия напряженности связана с быстрыми социальными изменениями, за которыми традиционное право не поспевает. В связи с этим Луман говорит о необходимости позитивного и динамичного права, способного адаптироваться к изменениям быстротекущего времени. Параллельно правоведы и философы все чаще пишут о кризисе права. «Право в XX в., — пишет Берман, — как в теории, так и на практике все меньше воспринимается как связанное целое, свод, организм, *corpus juris* и все больше как мешанина, каша из сиюминутных решений и противоречащих друг другу норм, соединенных только общими “приемами”, “техникой”. Старое метаправо разрушилось, его сменил своего рода цинизм... Мнение, что право переходит пределы политики, что в любой данный момент или, по крайней мере, в его историческом развитии право отлично от государства, видимо, все больше уступает место представлению о праве как инструменте государства, то есть средстве исполнения воли тех, у кого в руках политическая власть (наша российская действительность полностью подтверждает эту тенденцию. — *В.Р.*)... Право становится более фрагментированным, субъективным, больше настроенным на удобство, чем мораль. Оно больше заботится о сиюминутных последствиях, чем о последовательности и преемственности. Так в XX в. размывается историческая почва западной традиции права, а сама традиция грозит обрушиться»¹¹.

В целом современное право перестает работать и, в частности, потому, что неясно, в каком направлении его обновлять. «Измениться вовремя, — пишет Берман, — вот ключ к жизнеспособности любой системы права, которая испытывает неодолимое давление меняющихся обстоятельств»¹². Но в каком направлении должно изменяться право — вот в чем вопрос. Право можно развивать, чтобы поддержать новые социальные транснациональные институты, но не ясно, чему это будет способствовать, не будет ли этот шаг только усугублять глобальные планетарные кризисы. Право еще больше можно ориентировать на личность, но последняя, как утверждают критики нашей цивилизации, уже и так

предельно эгоцентрична, эгоистична и безответственна. Право, безусловно, должно работать на справедливость, однако, что является справедливым в ближайшей перспективе — дальнейшее развитие нашей техногенной цивилизации или, наоборот, ее критика и трансформация в направлении создания предпосылок новой цивилизации, свободной от существующих пороков и проблем?

Право, общество, власть

А что народ, т.е. общество? По большей части пассивно, а иногда даже способствует противозаконным тенденциям. И понятно, почему общество склоняется к пассивности: попытки населения действовать через право и суд чаще всего заканчиваются неудачей. «Вопреки расхожему мнению о правовой пассивности и чрезмерном долготерпении российских граждан, — пишут Т. Заславская и М. Шабанова, — 66% опрошенных все же предпринимали какие-то действия, направленные на восстановление своих законных прав. Однако для абсолютного большинства (73%) пытавшихся сопротивляться они чаще всего были напрасными»¹³.

Тем не менее, все же нельзя сказать, что закон и право полностью бездействуют. Это не так. В стране медленно идет сложный противоречивый, мучительный процесс становления права и гражданского общества. Люди учатся использовать закон и право. К тому же наличие законов и установка власти на признание гражданского общества создают, с одной стороны, соответствующие возможности развития социальной жизни, с другой — ограничения, отчасти сдерживающие незаконные поползновения различных социальных субъектов и сил. Правда, нужно сказать, что развитие положительных тенденций сильно препятствует нигилистическое отношение к праву.

В России, как известно, на законы и право мало кто уповал, зато всегда, затаив внимание, следили за тем, что предпримут власти. Не стоит представлять дело так, что российская ситуация с властью была всегда однозначная. Во все времена было две тенденции. Одна — это, условно — Иван Грозный, а вторая — его противник — Андрей Курбс-

кий, что хорошо видно из такого документа, как «Письма Ивана Грозного к Курбскому». Иван Грозный в письме к Курбскому пишет о неограниченности прерогатив царской власти. Царь не должен быть никем и ничем связан в своих действиях. Он не отвечает за свои поступки перед подданными, а лишь перед Богом. Поэтому он стоит выше закона. И даже если царь поступает несправедливо, это лишь грех, а не преступление.

Но всегда имела место и другая тенденция. Большинство русских мыслителей, начиная с Максима Грека, подвели читателя к мысли о губительности единоличного управления государством. В частности, Андрей Курбский и Иван Тимофеев старались показать, что царь в своей деятельности должен опираться на Советы городов, бояр, представителей различных сословий, а также следовать закону, выступая его гарантом. Еще на заре российской государственности Зиновий Отенский писал, что соблюдение законности («правды во всем») обязанность и государя, который должен «право все рассмотриши». Автор «Беседы преподобных валаамских чудотворцев Сергия и Германа» «неоднократно повторяет, что цари должны «обо всем накрепко советовати» и формы организации этих советов разнообразные: «бояре и ближние приятели», «люди своея царской палаты», «надежные воеводы», «разумные мужи», «приказные люди». Курбский идет еще дальше, предлагая царю помимо советников, которые могут быть «злы и незаконны», выборный сословно-представительный орган («Совет всенародных человек»). А Иван Тимофеев в исключительных случаях допускает и «физическое уничтожение тирана», оправдывая этот акт иосифлянским тезисом о необходимости различать царский сан и носящее его лицо¹⁴.

Но, увы, победила не эта «демократическая» тенденция, а другая — основные институты власти в формирующейся российской культуре все больше основывались на силе и деспотии восточного типа. Например, кровавые расправы Ивана Грозного преследовали не только цель укрепления царской власти, но и подавления всякого инакомыслия и создание атмосферы страха, в которой абсолютная власть самодержца уже не встречала никакого сопротивления.

«Термин “гроза” у Ивана IV означает устрашение подданных. Причем он обосновывает свое право судить и наказывать не только за дела, но и за мысли». В этом отношении Сталин продолжает начатое Грозным дело. Однако почему так произошло? Было ли это случайно? Я полагаю, что нет.

Возьмем средневековую Европу, тот же исторический период, ну может быть несколько более ранний. Что мы видим? В Европе идет борьба за власть пап с королями. Вот что пишет Г.Д. Берман в своей замечательной книге «Западная традиция права: эпоха формирования» (1998) по этому поводу:

«Начался затяжной конфликт светских властей с церковными, не ограничившийся одними письмами: в ход пошло оружие, проклятия, отлучение от церкви. Например, Иоанн Солсберийский в трактате “Norman Anonamous”, направленного против партии папа, пишет, что и “королевское достоинство Христа, и его святость прямо передаются королям через коронацию. Как викарий, есть наместник, Христа, король сам божественен и является священником своего народа. Он даже может совершать таинства, после коронации — такова традиция в Византии, у франков и англосаксов — император или король входил в алтарь и готовил хлеб и вино для своего собственного причащения. Король также благодетель и спаситель своего народа, поэтому он может прощать “грехи”».

Успех в борьбе пап с королями попеременно был то на одной стороне, то на другой, поскольку обе партии имели своих многочисленных сторонников, которые, однако, сами часто меняли свои взгляды, ведь и христианская церковь представляла собой тело Христово, но и светская власть была сакральна. В итоге ни папам, ни императорам не удалось настоять на своих изначальных притязаниях. По Вормскому конкордату 1122 г. император гарантировал, что епископы и аббаты будут свободно избираться одной лишь церковью, и отказался от присвоения им духовных символов кольца и посоха. Со своей стороны папа согласился на право императора присутствовать на выборах и вмешиваться там, где возникал спор. За этим первым шагом последовали

и другие, в ходе которых церковь и светская власть постепенно разграничивали компетенции и определяли границы собственных институтов. Другой важный результат — формирование канонического права и, по его образцу, права светского государства»¹⁵.

Инициатором изменений в описанном конфликте выступала церковь. А условия диктовало средневековое общество, состоящее из многих сообществ, племенных союзов, дворов королей, крупных феодалов, христиан-монахов, мирян, связанных феодальными, договорными отношениями. И вот что важно. Каждое сообщество отстаивало свою самостоятельность. Средневековое европейское общество признавало равенство социальных субъектов, поэтому в конфликте не могли победить ни церковь, ни светские власти. По сути, начиная с XI — XII вв., средневековое общество конституирует себя на основе права и механизмов, отчасти напоминающих демократические. Берман подчеркивает новый смысл права и новые виды прав, которые, в частности, регулировали отношения между соперничающими церковными и светскими владениями, а также давали возможность для светских властей целенаправленно и программно претворять в жизнь заявленные церковью цели: обеспечить мир и справедливость в своей юрисдикции.

А в России в это время — полное бесправие. Царь решает все сам и ни перед кем, ни за что не отчитывается. Он может сделать с другими все, что захочет. Решение конфликтов — только силовое, плюс деспотизм. Видимо, только это и давало возможность удерживать социальное целое как большой организм. Если бы речь шла о небольшом социальном организме, не столь разнородном по структуре, и плюс там бы действовали договорные, правовые отношения, может быть, было возможно другое решение.

Нельзя ли в таком случае предположить, что силовое решение конфликтов представляет собой историческую традицию в России? Похоже, что так. Мы имеем такую ситуацию, когда на огромной территории живут очень разные народы, существуют разные типы культуры, включая чуть ли не архаические, когда основной способ решения конфликтов — силовой, когда основные отношения являются

неправовыми. В принципе и до сих пор большинство конфликтов в России разрешаются не на основе права. Там, где это не противоречит интересам власти или она по каким-либо причинам вынуждена временно отступить (например, под давлением международной общественности, возмущения населения, боязни проиграть выборы или скандала в прессе), россияне все же учатся соблюдать законы и бороться за свои права.

Но известно, что российская власть тоже учится, и даже уже научилась использовать законы для своих целей и управлять политическими процессами (выборами, прессой, депутатами, общественными объединениями и т.д.). Блокировав критику и сопротивление со стороны общества, власть, как говорит В. Подорога, постепенно превращается в своеобразный «народный Фонд» по поддержанию жизни россиян и ее развитию. Спрашивается, почему? В целом понятно: если снова не вводить социальный террор (а в ближайшей перспективе это невозможно), жить в мировом сообществе, удерживать власть, осуществляя простую ротацию внутри правящей элиты, то надо, чтобы население было довольно и как-то поддерживало власть, тем более, что оно знает, как неплохо живет средний человек в развитых странах. Может быть, тогда стоит согласиться с мнением, что Россия не готова вступить в созвездие правовых обществ, стать демократическим государством? Ничего-ничего, бодро успокаивают чересчур разволновавшихся граждан России Жириновский и Проханов, так в нашей стране заведено и было всегда, а ради Империи, добавляет последний, ничего не жалко, можно положить на алтарь и миллионы жизней, как это в свое время делал отец всех народов Сталин.

Что делать?

Но есть еще один сценарий — «интеллектуалистический», кстати, весьма распространенный среди образованных людей (ученых, инженеров, служащих) апеллирует к сознанию и разуму человека (и обычного и политика). Интеллектуалы знают или узнали в результате исследований, как там на самом деле обстоят дела, и что нужно сде-

лать, чтобы всем было хорошо, и, наконец, настала социальная справедливость. При этом представители интеллектуалистического направления почему-то не замечают, что есть разные другие рецепты социального спасения, а также то, что средний россиянин, как правило, больше верит СМИ и тем же «продажным политикам», чем руководствуется разумом.

К интеллектуалистическому сценарию, на мой взгляд, относится и позиция тех, кто, признавая социальную реальность, в то же время разделяет ценности свободной, демократической жизни и поэтому считает, что должен готовить условия для наступления лучших времен. Например, Заславская пишет, что нужно действовать осторожно, системно, понимая природу социальных явлений, нужно готовить предпосылки для желательного будущего. А как жить сейчас, вот в чем вопрос. Несколько лет тому назад я сам был сторонником данного подхода. Ведь что показала социальная практика России. Если проект или программа социальных действий не реалистична, например, реализуется при отсутствии необходимых условий для социальных изменений, то и социальное действие в целом будет деструктивно. Более того, такие проекты очень подходят власти, потому что они создают видимость научного решения социальных проблем, видимость работы на общество. Мне кажется, что это вообще характерно для России — разрыв между замыслами, возможностями и условиями. Когда существует такой разрыв, вместо реальных изменений и действий — в основном имитация. Показывают фасад, за которым скрывается совсем другое явление.

Но ситуация все же не безнадежная. Да, с одной стороны, налицо тенденция к установлению тоталитарного режима, процесс, который сегодня прикрывается имитацией демократических реформ. Но, с другой стороны, одновременно с этим идет региональное строительство, рождаются живые формы социальной жизни, люди учатся правовым отношениям, сопротивлению властям, происходит смена поколений. В целом ряде российских регионов местные власти переходят к следующей политике. С одной стороны, понимая реалии, они не лезут, как однажды выразился Ле-

онид Радзиховский, поперек вертикали в пекло, а пытаются выполнить предписания и приказы Федерального центра или делают вид, что выполняют их. С другой стороны, региональные власти изо всех сил стараются развивать свой регион, в пределе стремясь сделать его независимым от Центра. В этом втором направлении работы местные региональные власти, безусловно, в той или иной мере исходят из интересов целого (родного региона) и его населения. С третьей стороны, региональные власти, конечно, не забывают и себя. А почему, спрашивается, они должны о себе забыть, при правильном хозяйствовании забота о себе часто неотделима от забот региональных. Хорошо бы при таком подходе и подключить региональное сообщество.

Региональное строительство предполагает не только оживление «лежащих на боку» предприятий или их модернизацию, но и продумывание, проектирование и практические действия по отношению к другим подсистемам целого — культуре, образованию, экономике, местной власти и др. Предполагает оно также поиск и создание новых ресурсов, и не меньше, пробуждение местного сообщества. К таковому относится и электорат, и центры образования, и общественные движения, и значимые социальные субъекты всех уровней власти, производства, культуры, образования.

Важную роль в этом процессе начинает играть и процесс самоорганизации профессиональных сообществ. В начале апреля на «Эхо» Москвы обозреватель Юлия Латынина рассказала такую замечательную историю¹⁶. В Санкт-Петербурге есть большое сообщество («Айти бизнес»), торгующее электронным оборудованием и программным обеспечением. Фирмы этого сообщества регулярно грабили сотрудники МВД. Схема отъема чужого имущества была следующая. Покупали кого-то в прокуратуре, прокурор выписывал поручение, с которым на фирму являлись люди МВД. На основании этого документа у фирмы со складов забирались аппаратура, как якобы контрабандная (или указывались другие причины). Затем аппаратура передавалась в РФФИ (Российский фонд федерального имущества), сотрудник которой в свою очередь отдавал приказ о реализа-

ции этого оборудования по супер заниженным ценам через определенную фирму. Разницу клали себе в карман. Что сделало сообщество, понимавшее, что действовать по закону бессмысленно. Во-первых, оно сорганизовалось. Во-вторых, крупнейшие фирмы, входившие в этот альянс, приняли хартию, запрещающую продавать краденую продукцию. В-третьих, разыскали фирму, она называлась «Ультра Электроникс» (кстати, подписавшую хартию), через которую продавалась эта продукция. В-четвертых, перестали работать с этой фирмой; кроме того, с ней перестали работать банки и западные партнеры. В результате «Ультра электроникс» мгновенно обанкротилась. Но вернемся к проблемам российской преступности, хотя, по сути, мы от них не уходили.

Направления научных и философских исследований

Я хотел показать, что решение проблем преступности предполагает исследование нескольких очень разных областей. Здесь не только анализ собственно правонарушений и преступлений, а также их причин. Не менее важно понять, как мыслят юристы и криминалисты, какие схемы объяснения они реализуют, какие ценности имеют. Как, например, современная юридическая наука понимает природу юридического познания, характерного для современного судопроизводства (а от этого понимания зависит и трактовка юридических фактов и многое другое)? В целом так же, как и прежде. Цель судопроизводства и правосудия — установление объективной истины с помощью исследования и познания особого рода. «Судебная деятельность, — пишет признанный классик нашей юридической науки М.С. Строгович, — это сложный процесс исследования и оценки подчас противоречивых фактов рассматриваемого дела во всем своеобразии его конкретных обстоятельств... проблема установления фактов по уголовным делам, проблема установления их в соответствии с действительностью, т.е. проблема истины... суд стремится к установлению по рассматриваемому им делу объективной истины и лишь установление такой истины служит законной базой для справедливого приговора советского суда»¹⁷.

Здесь, однако, возникает сразу несколько вопросов: как установить соответствие фактов действительности, если последняя как раз и неизвестна, она дана в несовпадающих, часто прямо противоположных, версиях сторон; что такое объективная истина, если тот же автор пишет, что «объективную истину нельзя оторвать от субъективного убеждения судей в том, где истина и где ложь в рассматриваемом деле»¹⁸; можно ли считать юридическое исследование объективным, если оно устанавливается «при помощи юридических средств», причем «судебная деятельность - это практика, это активная борьба с преступлениями, протекающая в сложной обстановке и трудных условиях, а не лабораторное (академическое) исследование»¹⁹. Не оказывают ли «трудные условия» и установка на «активную борьбу с преступлениями» влияние на характер объективной истины, не превращается ли она в связи с этим в истину крайне субъективную?

Аргументы Строговича не бесспорны. Во-первых, говоря о познании, он имеет в виду, очевидно, естественную науку, но является ли юридическое познание естественно-научным, не напоминает ли оно больше гуманитарное или социальное познание? Во-вторых, необязательно, что если в науке можно установить истину, то ее можно установить и в судопроизводстве. В-третьих, назначение судопроизводства по Строговичу можно и оспорить: цель суда — не раскрытие и осуждение преступления, а скорее соблюдение законов и права относительно данного конкретного случая. Я уверен, что сегодня проблему юридического познания и юридической истины необходимо ставить заново, применительно к современной сложной юридической ситуации.

Понять природу современной преступности невозможно, не анализируя, как вообще устроена современная система наказания, какой смысл мы вкладываем в это понятие, отвечают ли представления о наказании нашим целям и ценностям.

Исследованию подлежит и современный человек, ведущий себя во многих ситуациях очень необычно. Что, например, непонятно в поведении сотен тысяч современных преступников. С одной стороны, они вроде бы не безумны,

и в обычной жизни мало чем отличаются от остальных людей, с другой — убийцы (наильники и прочее). Если они нормальные люди, то как могли убить?

Способствуют этому разные обстоятельства. Например, современная жизнь устроена так, что, удовлетворив определенные требования, т.е., отработав положенные часы, соблюдая законы или, делая вид, что их соблюдаешь, человек становится свободным и дальше может делать, что хочет. При этом внешне он может вести себя одним образом, а внутри это совершенно другой человек. Именно потому, что современная цивилизация на уровне личности допускает двойственность, отдельный человек очень долго может жить фантазиями и вымыслами. И немаловажно, что при этом он всегда может реально «нырнуть» (уйти) в мир, отвечающий этим фантазиям и вымыслам, за которыми в конечном счете стоят его желания. Если он не может реализовать свои желания в своей деятельности и творчестве, есть игра, искусство, наркотики, алкоголь, есть забвение (амнезия), есть, наконец, преступление.

Анализ власти и социальности — еще одна область изучения, необходимая для выработки эффективных мер борьбы с преступностью. Если законы нарушаются сверху, если каждый второй-третий маргинал, не считающийся с законами, если, наконец, большинство конфликтов россияне предпочитает разрешать вне права и закона, то без изучения власти и социальности нам не обойтись. К этому же кругу тем относится и проблема социального действия, предполагающая изучение тех социальных и индивидуальных сценариев, на основе которых люди вырабатывают ближайшие и долговременные стратегии своего поведения.

Примечания

¹ Константинова Н.Я., Ратинов А.Р., Собчик Е.М. Самооценка преступников // Личность преступника как объект психологического исследования. М., 1979. С. 71.

² См.: Ратинов А.Р. Психология личности преступника // Личность преступника как объект психологического исследования. С. 31.

³ См.: Шнайдер Г.Й. Криминология. М., 1994. С. 136.

⁴ Там же. С. 314

⁵ Ховард З. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М., 1998. С. 50.

⁶ Там же. С. 136, 141 – 142.

⁷ См.: Судебная реформа: проблемы и перспективы. М., 2001. С. 14, 44, 45, 46.

⁸ См.: Государство и право. 2002. № 1. С. 20.

⁹ Там же. С. 28.

¹⁰ Заславская Т.И., Шабанова М.А. Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 6 – 7.

¹¹ См.: Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 48 – 53.

¹² Там же. С. 37.

¹³ Заславская Т.И., Шабанова М.А. Социальные механизмы трансформации неправовых практик. С. 6.

¹⁴ См.: Розин В.М. Развитие права в России как условие становления гражданского общества и эффективной власти. М., 2006. С. 265 – 267.

¹⁵ Берман Г.Дж. Цит.соч. С. 200 – 202.

¹⁶ http://www.echo.msk.ru/att/element-505258-snd1-Kod_dostupa_0504_1.mp3

¹⁷ Строгович М.С. Материальная истина и доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 14, 19, 44.

¹⁸ Там же. С. 107.

¹⁹ Там же.